

Л. Э. Панкратова,
канд. филос. наук,
доцент кафедры социологии и социальной работы,
Российский государственный профессионально-педагогический университет,
Екатеринбург
e-mail: l.pancratowa2011@yandex.ru

О КОНЦЕПТАХ «СОЦИАЛЬНАЯ ИНКЛЮЗИЯ» И «СОЦИАЛЬНАЯ ЭКСКЛЮЗИЯ» В СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ

Аннотация. В статье анализируются понятия «социальная эксклюзия» и «социальная инклюзия» с точки зрения основных социологических подходов. Рассматривается перспектива включения этих понятий в арсенал теории социальной работы. Введение парадигмы социальной инклюзии в социальную работу открывает перспективы для формирования инклюзивной организационной культуры в учреждениях социальной сферы и для формирования инклюзивной культуры в социуме.

Ключевые слова: социальная эксклюзия, социальная инклюзия, социальная работа, социология.

L. E. Pankratova,
PhD, Associate Professor of the Department of Sociology and Social Work,
Russian State Vocational Pedagogical University, Yekaterinburg
e-mail: l.pancratowa2011@yandex.ru

ABOUT THE CONCEPTS OF “SOCIAL INCLUSION” AND “SOCIAL EXCLUSION” IN SOCIAL WORK

Abstract. The article analyzes the concepts of “social exclusion” and “social inclusion” from the point of view of the main sociological approaches. The prospect of including these concepts in the arsenal of the theory of social work is considered. The introduction of the paradigm of social inclusion in social work opens up prospects for the formation of an inclusive organizational culture in social institutions and for the formation of an inclusive culture in society.

Keywords: social exclusion, social inclusion, social work, sociology.

Появившееся с 70-х годов XX века во Франции понятие «социальная эксклюзия» постепенно находит свое распространение в западной социологической мысли. Достаточно высокая степень социальной защиты социально уязвимых слоев населения в социальных государствах Западной Европы и переосмысление многих аспектов в социальной динамике привели практически к отказу от понятия «бедность» и «бедные» как в научной литературе, так и основных документах Совета Европы. Бедность — это экономическая категория, характеризующее состояние человека (или группы), не позволяющая удовлетворить основные потребности индивида и, как правило, в России доходы которого ниже прожиточного минимума. В изучении социального неравенства сделан акцент на смещение с экономических ресурсов «в сторону многообразия факторов и истоков неравенства» [1, с. 87]. Кроме того, социальная эксклюзия рассматривается как процесс, бедность как статическое состояние. Феномен социальной эксклюзии позволяет учитывать и изучать культурный и психологический контекст этого процесса. Например, индивид может находиться в состоянии самоэксклюзии при отказе от поиска работы, заработка, сознательной социальной изоляции [2, с. 7].

Неопределенность, трансформация, мобильность и избыточное многообразие современной социальной реальности позволяют отнести к категории социально исключенных (социальной эксклюзии) людей, подвергшихся физическому и психологическому насилию и травмам, наркозависимых, склонных к суицидальному поведению, бездомных, людей с инвалидностью и ОВЗ, мигрантов и беженцев, цыган, преступников, матерей и отцов-одиночек, асоциальных и маргинальных лиц и др. В России список можно добавить сельским населением, ВИЧ-инфицированными, трудовыми мигрантами и т. д. В условиях пандемии многие пожилые люди, не находящиеся на социальном обслуживании, оказались в состоянии вынужденной изоляции и депривации, что позволяет их также отнести к категории социальной эксклюзии. «Социально исключенные», «новые бедные» (социально эксклюзированные) полностью или частично лишены доступа к социальным услугам, рынку труда, образованию, медицине, культурно-досуговой деятельности и объектам, информа-

ционными услугам, а зачастую и к средствам существования. Люди, входящие в эту категорию, всегда были объектом деятельности социального работника. В ФЗ 1995 года «О социальном обслуживании граждан пожилого возраста и инвалидов» было понятие «трудная жизненная ситуация» во многом близкое понятию «социальная эксклюзия». ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» 2013 года вместо понятия «человек, в трудной жизненной ситуации» появилось понятие «получатель социальных услуг», т. е. гражданин, признанный нуждающимся в социальном обслуживании [3]. Нормативно-правовые документы в РФ в последнее десятилетие зачастую сужают сферу деятельности специалиста по социальной работе до социального обслуживания граждан. Но спектр социальных проблем, которые может решать специалист по социальной работе, значительно шире. В стратегической перспективе и для реализации концепции социального государства социальная работа должна предполагать более широкий спектр деятельности по решению проблем граждан, находящихся в социальной эксклюзии. Пока в парадигме социального обслуживания акцент сделан на помощь нуждающимся, продолжая традиции российского патернализма, а в парадигме социальной инклюзии акцент делается на правах человека и реализации через социальную работу механизма по их защите.

Несмотря на то, что современная социология широко применяет понятие «социальная эксклюзия», такие авторы, как Астоянц М. С., Россихина И. Г., считают, что это скорее не научный, а социально-политический термин, описывающий проблемы современной бедности. Тем не менее авторы понимают под «социальной эксклюзией» многомерный кумулятивный процесс, нарушающий социальные связи индивидов или групп и препятствующих их участию в жизни общества [4, с. 53]. Можно констатировать, что данное понятие сегодня переосмысливается в различных научных социологических школах и становится предметом научного анализа. Социальная работа как наука, базирующаяся во многом на социологии, в теоретическом плане также должна водить в своей категориально-понятийный аппарат данный термин для изучения процессов эксклюзии, чтобы через практическую деятельность социального работника

создавать условия для формирования социальной инклюзии и подбирать более эффективные способы, технологии работы с социально исключенными.

Проблема интеграции современного общества, с учетом дифференциации и многообразия современного мира, ставит во главу угла проблему социальной инклюзии. В российской практике инклюзия ассоциируется в основном с инклюзивным образованием, хотя это только малая часть процесса общей инклюзии. Большинство авторов рассматривают инклюзию как процесс, ведущий к социальной интеграции и являющейся принципом социального государства [1, 2, 4, 5].

В. Ярская определяет социальную инклюзию как «демократическую акцию включения индивида или группы в более широкое сообщество, общие темпоральности образовательного и трудового процесса, преодоления географических неудобств, субкультурных различий и сегрегаций с целью приобщения к определенному социальному или культурному действию» [6, с. 243]. По поводу соотношения понятий «социальная инклюзия» и «социальная интеграция» ряд авторов считают, что понятие интеграции шире инклюзии. Астойянец М. С.: «Социальная инклюзия должна рассматриваться как процесс, ведущий к социальной интеграции, а сама интеграция — как результат этого процесса» [4, с. 53]. Но в изданном при поддержке Совета Европы в 2017 году сборнике «Межкультурные компетенции в социальных службах. Формирование инклюзивной организационной культуры: методологическое руководство» под общей редакцией Елены Ярской-Смирновой указывается, что инклюзия шире интеграции, так как не сводится к интеграции отдельных людей или групп, а предполагает всесторонние и систематические действия, включающие каждого, покрывающие все сферы деятельности, ведущие к структурному изменению, а не коррекционным действиям [7, с. 22]. Обязательным условием работы социальных сервисов авторы данного пособия считают формирование инклюзивной организационной культуры. Приоритетом для социальных учреждений должны стать уважение личности и открытость многообразию, отсутствие дискриминации, культура партнерства и межкультурный диалог. В пособии акцент сделан на этнокультурной инклюзии наиболее

актуальной в мультикультурном пространстве Европы. Тем не менее оно представляется интересным и важным для российских реалий, так как сближение индивидов и групп, соблюдение прав всех категорий является основой как социальной работы, так и социальной политики. В педагогике также разводят понятия инклюзивное и интегрированное образование. Инклюзивное образование считается более гуманистическим и соответствующим социальной модели инвалидности, обеспечивающий двухсторонний процесс принятия ребенка в образовательную систему через ее перестройку. Тогда как интегративное или интегрированное образование требует простой адаптации ребенка к уже существующей системе образования.

Если приоритетным в Западной Европе становится обеспечение социальной инклюзии мигрантов и беженцев, то в отечественной научной литературе и описании опыта организаций акцент сделан на социальную инклюзию пожилых людей и людей с инвалидностью традиционных объектов деятельности социальных организаций. Такие авторы, как Боровикова И. В., Благирева Е. Н., Калачикова О. Н., Кантемирова И. Б., Козловская О. В., Леонидова Г. В., Омельченко Д. А., Ноянзина О. Е., Максимова С. Г., Попов А. В., Петров В. Н., Смолева Е. О., Шабунова А. А., Шаповал И. А., рассматривают экономические, правовые, социологические и психологические аспекты социальной инклюзии и эксклюзии, отождествляя последнюю с «социально уязвимыми категориями населения». Социальная работа как наука сегодня в меньшей степени обновила свой терминологический арсенал понятиями «социальная инклюзия» и «социальная эксклюзия», хотя эти понятия отражают основные тенденции трансформации социальных процессов в современном мире и позволяют переосмыслить традиционные подходы в социальной работе. На повестке дня сегодня стоит вопрос о формировании инклюзивной культуры социальных организации, инклюзивной компетентности социальных работников и в, целом, инклюзивной культуры общества.

Литература

1. Мартыненко Т. С. Основные подходы к концептуализации социальной эксклюзии в современной западной социологии // XXI Международная

конференция памяти профессора Л. Н. Когана «Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования». 22–23 марта 2018 г., Екатеринбург. Екатеринбург : УрФУ, 2018. С. 83–92.

2. *Бородкин Ф. М.* Социальные эксклюзии // Социологический журнал. 2000. № 3/4. С. 5–16.

3. Федеральный закон «Об основах социального обслуживания граждан Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156558/ (дата обращения: 18.02.2021).

4. *Астоянц М. С., Россихина И. Г.* Социальная инклюзия: попытка концептуализации и операционализация понятия // Изв. Юж. федер. ун-та. Пед. науки. 2009. № 12. С. 51–58.

5. *Антонова В.* Концепты социальной инклюзии и эксклюзии в глобальном обществе: дрейф по социальным институтам, акторам и практикам // Журнал исследований социальной политики. 2013. Т. 11, № 2. С. 151–170.

6. *Ярская В.* Противоречия городского социального времени: дискурсы инклюзии и деинституализации (постановка проблемы) // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2018. Т. 18. Вып. 3. С. 242–249.

7. Межкультурные компетенции в социальных службах. Формирование инклюзивной организационной культуры : методолог. руководство / пер. с англ. ; под общ. ред. Е. Ярской-Смирновой. М. : Совет Европы, 2017. 136 с.

References

1. *Martynenko T. S.* The main approaches to conceptualizing social exclusion in modern Western sociology // XXI international conference in memory of Professor L. N. Kogan’s “Culture, identity and society in the modern world: methodology, empirical studies”. March 22–23, 2018, Yekaterinburg. Yekaterinburg : UrFU, 2018. P. 83–92.

2. *Borodkin F. M.* Social exclusion // Sociological journal. 2000. No. 3/4. P. 5–16.

3. Federal Law “On the Basics of Social Services for Citizens of the Russian Federation”. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156558/ (date of access: 18.02.2021).

4. *Astoyants M. S., Rossikhina I. G.* Social inclusion: an attempt to conceptualize and operationalize the concept // Proceedings of the Southern Federal University. Pedagogical Sciences. 2009. No. 12. P. 51–58.

5. *Antonov V.* The concepts of social inclusion and exclusion in a global society: drift through social institutions, actors and practices // Journal of social policy studies. 2013. Vol. 11. No. 2. P. 151–170.

6. *Yarskaya V.* Contradictions of urban social time: the discourses of inclusion and deinstitutionalization (problem statement) // Izv. Sarat. un-ta. Nov. ser. Ser. Sociology. Political science. 2018. Vol. 18, iss. 3. P. 242–249.

7. Cross-cultural competencies in social services. Formation of an inclusive organizational culture : methodological guidance / under the general editorship of E. Yarskaya-Smirnova. M. : Council of Europe, 2017. 136 p.

О. О. Полякова,

кандидат психологических наук,

доцент кафедры социологии

МГУ им. Н. П. Огарева,

Саранск

СЧАСТЬЕ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ЖИТЕЛЕЙ ГОРОДА САРАНСКА

Аннотация. В статье анализируется исследование счастья как социокультурного феномена. Автор приводит итоги опроса жителей Саранска и сравнивает представления о счастье молодежи (20–30 лет) и взрослых жителей (31–44 лет) города Саранска. Исследование показало, что население Саранска менее счастливо, чем в целом по России (в сравнении с данными ВЦИОМ 2019 года) и молодежь более счастлива, чем население после 31 года.

Ключевые слова: счастье, молодежь, взрослое население, Саранск, социальные представления.